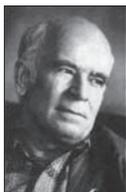

К 100-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ ТАНГУТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Борис Андреевич КАЗАНСКИЙ,
кандидат географических наук

Речь пойдет о крупном археологическом открытии начала прошлого века — находке богатой тангутской библиотеки, замурованной (похоже, вполне сознательно) в субургане мертвого города Хара-Хото (территория нынешнего Автономного района Внутренняя Монголия в КНР), обнаруженной экспедицией Российского Географического общества под руководством П. К. Козлова. Почти 100 лет большая часть этой библиотеки, насчитывающая около 10 000 единиц хранения, содержится в Тангутском фонде Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (СПбФ ИВ РАН).

Среди текстов различной тематики в этой библиотеке обнаружено несколько словарей (все, правда, неполные), позволивших прочитать и перевести много текстов, написанных на мертвом языке исчезнувшего с исторической сцены народа, населявшего некогда (в XI—XIII вв.) сильную империю Си Ся на территории Китая, добившуюся полной независимости, одним из самых значительных проявлений которой стало создание (по заданию императора Ли Юаньхао) оригинальной тангутской письменности, признанной «самой сложной из всех, когда-либо созданных человеческим умом»¹. Эта система письма, проблему дешифровки которой Ю. Н. Рерих 50 лет назад выделил отдельным пунктом в списке неотложных задач тибетского языкознания², несмотря на вековые усилия лингвистов разных стран, остается до сих пор загадочной. Сейчас, на пороге означенного выше юбилея (а вскоре и 1000-летие создания Тангутского государства), имеются все предпосылки для успешного решения этой задачи.

Основаниями для столь категоричного заявления автор считает:

- создание в японском институте Модзикё (Моџикуо) компьютерных Java и TrueType шрифтов тангутской письменности (6000 characters written by Mr. Nowral), свободно доступных на сайте www.mojikyo.org;
- издание (с применением этих шрифтов в Японии) «Словаря Тангутского (Си Ся) языка»^{3*};
- транслитерация тангутских шрифтов Модзикё, выполненная автором по образцу сделанной им ранее транслитерации (или, как автор предпочитает называть, обратимой конверсии) китайской иероглифической письменности^{4, 5}.

* Экземпляр этого словаря автору был любезно предоставлен профессором Е. И. Кычановым.

Три указанных фактора позволяют анализировать тангутскую письменность с использованием компьютерных технологий, что многократно увеличивает вероятность успеха, которому должна способствовать и явная информационная избыточность знаков тангутского письма. Избыточность (а заодно и шрифт Модзикё) знаков тангутского письма иллюстрирует пример *фонетической* передачи одной и той же фразы (мантры) средствами алфавитного (санскрит), иероглифического китайского и тангутского письма:

ओम् माणि पद्मे हूम् 唵麻尼八迷牛 嚩囉菟絳甯繖

Информационная избыточность знаков тангутского письма позволяла очень грамотным тангутам использовать беглую скоропись без потери информации, но сильно затрудняла процесс дескриптивного анализа тангутской письменности нашими современниками на докомпьютерном этапе. При компьютерном анализе она позволяет (и уже позволила автору) идентифицировать знаки даже с допущенными ошибками и искажениями в написании отдельных графических элементов, которых не удалось избежать ни в шрифтах Модзикё, ни во всех словарях тангутского языка, включая последний.

Используя некоммерческую версию тангутского шрифта Модзикё и все доступные словари, автор составил электронный словарь в формате таблицы *MS Excel*, включающей все 6000 знаков (6000 строк). Основной блок последней редакции словаря разбит на 7 колонок (столбцов), где:

A — номера знаков (с 1 по 6000), согласно Mojiko Character Map;

B — номера знаков (с 1 по 5803), соответствующие номерам идентифицированных заглавных знаков в «Словаре тангутского (Си Ся) языка» (первоначально там стояли номера знаков по словарю «Море письмен»);

C — сами знаки тангутского письма Модзикё;

D — авторская транслитерация (конверсия) знаков тангутского письма буквами русского алфавита;

E — фонетическая транскрипция знаков по М. В. Софронову⁶ (упрощенная транслитерация этой транскрипции буквами русского алфавита);

F — перевод на русский язык или значение знаков тангутского письма (для которых таковые имеются в доступных автору словарях);

G — разного рода примечания, включая группы знаков, близкие по графике приведенному в той же строке столбца C.

Таким образом, словарь содержит все необходимое для дистрибутивного анализа тангутской письменности. Используя опции «найти» и «сортировка» программы *MS Excel*, словарь (помимо основной функции) позволяет:

- 1) упорядочивать знаки тангутской письменности в алфавитном порядке по транслитерации знаков (взаимно однозначных графике) или их фонетических чтений;
- 2) находить все знаки, содержащие любое заданное сочетание графических элементов, т.е. сочетания букв в транслитерации;

- 3) получить распределения сочетаемости любых заданных графических элементов (отдельных букв, слогов и групп в транслитерации);
- 4) находить знаки с заданными значениями (синонимы), т.е. использовать словарь и как русско-тангутский.
- 5) опция «заменить» позволяет делать замену неудачных (по каким-либо критериям) транслитераций графем на другие, локально или глобально.

С помощью указанных выше опций автору удалось выявить ряд закономерностей в тангутской письменности, которые были упущены предшественниками, не располагавшими современными техническими возможностями. Однако «...строго дескриптивные методы анализа языка уже не являются идеалом структурного описания. Стало очевидным, что в ряде случаев лингвист не достигнет цели, идя лишь индуктивным путем от фактов к обобщениям, и наоборот, может получить значимые результаты, имея некоторую гипотезу об исследуемом материале»⁷. Поэтому автор предлагает свою гипотезу, согласно которой **знаки тангутской письменности изначально имели два чтения**: одно, соответствующее словам тангутского языка, а другое — графике знаков, известное только посвященным (сакральное).

Здесь можно провести аналогию с японским языком, использующим китайские иероглифы, которые в японском имеют двоякое чтение — *онное*, заимствованное из Китая и связанное с написанием иероглифов, и *кунное* — национальное, японское, не отражаемое в написании иероглифов. Но в отличие от японцев тангутам преподносили (преподавали) только «кунные» чтения, используя в учебных целях китайско-тангутские словари. Поэтому по мере забывания китайского языка в тангутском государстве (одно из негативных последствий сепаратизма!) и ухода из жизни поколения «посвященных» тангуты столкнулись с проблемой изучения (и дешифровки!) собственной письменности.

Как писали сами тангуты в предисловии к тангутскому словарю, известному в среде современных тангутоведов под названием «Гомофоны», изданному почти через 100 лет после введения тангутской письменности, «...письменные знаки составляют слова и выражения», но «...отыскание этих знаков во всех предшествующих словарях было сопряжено с большими трудностями, и «настоящий метод» был известен только тем, кто обладал знаниями»⁸.

Первым опытом дешифровки тангутской письменности следует признать другой словарь из тангутского фонда СПбФ ИВ РАН, известный под названием «Море письмен», или «Вэньхай». Тангутские лингвисты для объяснения использовали ребусный метод *pars pro toto* (часть вместо целого), представляя каждый знак как комбинацию частей (или часть) других знаков, более-менее близких по смыслу рассматриваемому (не забывая о том, известны уже эти знаки читателю или нет). Этот метод полностью дискредитируют многократно повторяемые логические ошибки, называемые в логике «*circulus vitiosus*» (порочный круг) и «*ignotum per ignotum*» (неизвестное через неизвестное). Примеров тому можно привести

множество, но и без них ясно, что это не «настоящий метод». Также легко (множеством контрпримеров и логическими ошибками) можно дискредитировать и идею идеографического характера тангутского письма, разделяемую, тем не менее, большинством исследователей. Настоящий же метод, по нашему мнению (в развитие высказанной выше гипотезы), базировался на том, что знаки тангутского языка представляют собой фонетическую (алфавитную) запись соответствующих слов на каком-то неизвестном для большинства тангутов языке специальным алфавитом, адаптированным для тогдашнего метода книгопечатания (ксилографии). Не этот ли алфавит Юаньхао называл «малым тангутским письмом», заслугу в создании которого он приписал себе?

В пользу нашего предположения можно привести следующие доводы:

- выполненная автором транслитерация всех тангутских знаков, приведшая к вполне удобочитаемым словам и практически без омофонии, причем эта транслитерация (или конверсия) оказалась технически значительно проще, чем для китайской письменности; даже удалось ограничиться использованием не всех букв русского алфавита.
- четкое деление тангутских знаков сквозными пробелами на графемы (соответствующие слогам транслитерации), количество которых (порядка 650) близко к количеству слоговых знаков (или фонем) других языков;
- различие в написании (позиционные варианты) отдельных графических элементов в инициальной и финальной позиции в знаке, что характерно для некоторых алфавитных письменностей (например, арабской и уйгурской);
- возможность деления графем на знаки без огласовок (в слоговых письменностях им обычно соответствуют слоги с гласной «а»), знаки с огласовками, лигатуры, надписные и подписные, в полном соответствии со структурой тибетского моносилаба⁹. Так, в приведенном выше примере первый знак фразы состоит из трех графем, где первая — простая с огласовкой, вторая лигатура (из двух знаков) без огласовок, а третья — лигатура с огласовкой и надписной. Второй знак также состоит из трех графем (трехсложное слово), первая из которых без огласовки, а две — с огласовками. Третий знак состоит из двух простых слоговых знаков с общей надписной и т.д.;
- статистические характеристики распределения и сочетаемости графем и графических элементов (по статистике букв и слогов транслитерации), аналогичные таковым в алфавитных языках¹⁰;
- очень ограниченное использование одиночных графем (т.е. односложных слов из 650 возможных) в качестве самостоятельных знаков тангутского письма;
- использование точки при отдельных графемах, которую исследователи сочли знакоразличающей, чему противоречат данные статистического анализа (отсутствие многих парных знаков без точки) и приуроченность точки только к некоторым из графем (буквам)

независимо от их места в знаке. Мы же считаем эту точку аналогом значка *вирама* в санскрите или *шва* в западносемитских системах письма (или *сукун* в арабском письме).

Список внешних признаков алфавитности тангутских знаков можно было бы продолжить, но мы ограничимся числом «7», которое является священным для поклонников оккультизма и кабалистики, коль скоро мы подозреваем сакральность этого письма. Кстати, обозначение числа «7» в тангутской письменности весьма своеобразно (тангутская письменность не имеет знаков для цифр, а числительные выражаются словесными знаками, ничем в принципе, не отличающимися от других частей речи). Словарь «Море письмен» дает ему такое толкование (знак № 1971): «из частей знаков «чистый», «способ», «средство»; полностью знак «восемь»», а знак «8» (№ 2377) в свою очередь «знак «семь» без верхней части»*. Причем такой верхней части (надписной, в которой 7 черточек) нет больше ни у какого из остальных 5999 знаков тангутской письменности.

𑖇— 7, 𑖈— 8, 𑖉 человек, 𑖊 отшельник, 𑖋 гора, 𑖌 сковорода

Сама графема «8» представляет из себя лигатуру, внутренний знак которой является самой распространенной в тангутском письме графемой, входящей в каждый третий знак (часто дважды), образующей и самостоятельный знак со значением «человек», который в «Море письмен» объясняется как нижняя часть более сложного (и, надо полагать, не слишком употребительного) знака «отшельник», который, в свою очередь, объясняется как составленный из верхней части знака «гора» и знака «человек».

А как объясняется знак «гора» (№ 2422)? Как составленный из верхней части знака «отшельник» и нижней части знака «сковорода» — вот вам и «*circulus vitiosus*», и «*ignotum per ignotus*», и даже «*reduction ad absurdum*»! Примечательно, что в составе более сложных знаков графемы «8» и «человек» своими истинными именами не называются, а представляются как части других сложных знаков. Слишком высокая частота употребления в знаках графемы «человек» доказывает, что она не может нести идеографической информации, а является (как и графема «8») просто весьма распространенным слоговым знаком (слогом), какие можно найти в любом языке. В нашей транслитерации этой графеме дано чтение «ка», а графеме-лигатуре «8» — «пка».

Графема «ка» используется и с огласовками, для транслитерации которых потребовались все гласные русского алфавита, а также и со значком «вирама», т.е. с точкой. Это единственная в тангутской письменности графема, которая сочетается со всеми остальными. А распределение огласовок с разными графемами и самих графем весьма неравномерно, что также характерно для слоговых письменностей.

Признание (гипотеза) алфавитной природы знаков тангутской письменности не исключает использования в ней некоторых слоговых (или специальных дополнительных) знаков в качестве так называемых детерминативов, особенно для различения омофонов, которых в тангутском языке слишком много, или для морфологической деривации знаков.

* В русском языке наоборот: «8» = «7» с префиксом «во»!

В этой роли определенно используются графемы, которые называются надписными (некоторые показаны в примерах выше и ниже), но часто и аффиксные (префиксные или финальные). Таким способом образуются, например, знаки для названий многих растений, животных, топонимов, служебных слов, имен и фамилий от подходящих омофонов, семантически или этимологически близких знаков. В качестве типичного примера такого рода дадим три знака, имеющие общую строчную часть, но различающиеся надписными и являющиеся омофонами с чтением «нгон»:

海 море, 海 (фамилия), 海 айва, 鲜 пресный, 蜜 сладкий, 香 вкусный, 蜂 мёд

Первый знак, являющийся фонетиком для двух следующих, любопытен тем, что в нем нет детерминатива «вода», что говорит не в пользу идеи идеографичности тангутского письма (а таких примеров можно привести много для знаков, обозначающих понятия, где без воды никак не обойтись, как и примеров и контрпримеров для других «детерминативов»). Более того, первая графема этого знака используется и в четырех последних знаках, не являющихся омофонами и не связанных с представлениями о море, но зато все они с детерминативом «вода», читающимся в нашей транслитерации как «су». (Нетрудно догадаться о тангутской интерпретации в словаре «Море письмен» знака «мёд»: «левая часть знака «сладкий»; полностью знак «насекомое»). Сочетание двух графем знака «пресный», входящее и в последние три знака, фонетиком не является. Вторая же графема знака море (и его омофонов) встречается еще в четырех знаках, никак не связанных с морем, но являющихся омофонами с чтением «со». Ни первая, ни вторая графема самостоятельного знака не образуют. Стало быть, информация в знаке «море» передана фонетически в «онном» (сакральном) чтении, не совпадающем с тангутским. Факт, что они не передали этим же способом информацию об айве (маловероятно, что и в сакральном языке «айва» и «море» являются омофонами), свидетельствует в пользу того предположения, что базовым китайским словарем при разработке тангутской письменности служил не словарь «Эръя» или «Гуанюнь», а более краткий учебный словарь типа «Цянь цзи вэнь» («Тысячесловие»), включающий 1000 основных иероглифов китайского языка. Слово «айва» в их число не попало, так как не относится к основным и пишется с помощью двух иероглифов. Такое предположение вкуче с изложенными ранее позволяет реконструировать использованную создателями методику разработки тангутской письменности, которая должна была включать определенные этапы.

1. В 1000-словник (назовем так для определенности базовый словарь) вписывались переводы всех китайских иероглифов на сакральный язык. Это были обычные слова, в написании которых не было необходимости использовать надписные или же их число было весьма ограниченным (например, надписными, изоморфными огласовкам).

2. Знаки-слова из 1000-словника должны были составить базу для конструирования всех остальных знаков тангутской письменности, используя различные приемы «размножения», среди которых явно выделяются:

- а) использование надписных-детерминативов для омофоничных слов тангутского языка (как в примере с «морем»), придавшее (как и следующие приемы) тангутской письменности признаки идеографичности;
- б) использование аффиксных детерминативов, которые правильнее будет называть маркерами, для деривации синонимов или семантически близких слов и частей речи;
- в) использование перестановок графем в знаках для тех же целей; знаменательно, что в трехсложных знаках используются только две перестановки при теоретически возможных шести.
- г) использование приемов а) — в) в различных комбинациях;
- д) использование частичных или полных повторов для двухсложных слов тангутского языка.

3. В процессе использования тангутской письменности возникала, очевидно, необходимость в добавлении новых знаков, которые делались уже «не по правилам» из-за сакральности правил, оставшихся неизвестными непосвященным.

По всем указанным выше приемам можно привести многочисленные примеры, а проверку этих и ранее высказанных предположений можно осуществить статистическим анализом, для которого в настоящее время имеется всё необходимое. Остается выразить надежду, что задача дешифровки тангутской письменности с учетом изложенных соображений будет решена в ближайшее время и лингвисты достойно встретят 100-летний юбилей тангутской библиотеки.

¹ Кычанов Е. И. Звучат лишь письмена. М.: Наука, 1965.

² Рерих Ю. Н. Основные проблемы тибетского языкознания // Советское востоковедение. 1958. № 4. С. 11.

³ Словарь тангутского (Си Ся) языка / составитель Е. И. Кычанов. Kishimoto Printing Co. 2006. Отпечатан в Японии.

⁴ Казанский Б. А. О конвертируемости китайской письменности // Россия и АТР. Владивосток, 1996. № 3. С. 103—104.

⁵ Казанский Б. А. Возможности конверсии китайской письменности // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 6. С. 128—131.

⁶ Софронов М. В. Грамматика тангутского языка. М.: Наука, 1968. В 2-х кн.

⁷ Ревзин И. И., Строганов В. А. Гипотеза о двухчленности ядра группы существительных во вьетнамском языке // Вопросы структуры языка. М.: Наука, 1974. С. 140—152.

⁸ Невский Н. А. Тангутская филология. Исследования и словарь в 2-х томах. М.: Изд-во вост. лит., 1960.

⁹ Бадараев Б. Д. Об основах транскрипции и транслитерации для тибетского языка. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967.

¹⁰ Шаламов Я. Я. и др. Статистическая обработка словарей как метод исследования языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1983. С. 66—82.

SUMMARY: The article by B. Kazansky "To centenary of Tangut library revelation" suggests new ideas for acceleration of Tangut writing decoding are based on the assumption of existence of the second (sacral) reading of the Tangut characters.